

УДК 339.1

Муштур О.З.,
зав. кафедрой политологии МФПА, профессор

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ

В реалиях политика и экономика настолько тесно переплелись, что различить их может порой только взгляд (абстракция, фантазия) теоретика. Все (или почти все) в общественной жизнедеятельности носит на себе «печать» как экономических отношений, так и политических. Все (или почти все) так или иначе обуславливается ими.

**«Экономика — это корабль, которому нужен парус,
наполняемый ветром свободного предпринимательства,
и руль государственного управления»**

*(Василий Леонтьев — американский экономист,
лауреат Нобелевской премии)*

Проблема взаимоотношения политики и экономики имеет, по сути дела, тот же самый возраст, что и писанная человеческая история: ее нижняя граница совпадает с возникновением классово-дифференцированного общества и государства, верхняя же все еще открыта. По сути, это один из «вечных вопросов», над решением которого бьется человеческая мысль. И если и находит на него сколько-нибудь «вразумительные» ответы, то лишь на время — для той полосы развития в истории отдельных стран и народов, которая характеризуется как мирная и «спокойная» эволюция. Что же касается так называемых крутых поворотов — периодов коренной ломки устоявшихся общественных отношений, социальных структур, представлений, ценностей, мотивационно-деятельных установок, ориентаций и т.д. — то этот вопрос вновь выдвигается в центр проблем, волнующих социум. Становится предметом не только жарких академических споров

и дискуссий, но и острейшей политической борьбы.

Именно такой «крутой» поворотный этап (причем, второй за одно столетие) переживает сегодня российское общество. Его движение к рынку и рыночной политической демократии, совершаемое по не бывалой еще в мировой истории схеме — от «социализма» назад к «капитализму», ставит будущее страны в прямую зависимость от того, как будет решаться проблема взаимоотношения политики и экономики (в том числе и особенно проблема взаимоотношения государства и бизнеса).

Поиски адекватного вызовам времени решения этой проблемы порождают самый широкий спектр мнений, среди которых в качестве противоборствующих и полярных выступают, с одной стороны, те, сторонники которых ратуют за возврат страны к полностью (или частично) огосударственной экономике. С другой — те, сторонники которых настаивают на необходимости максимального ограничения вме-

шательства государства в хозяйственную жизнь вплоть до его полного изгнания из этой сферы. Исходя из «презюмции», что любое вмешательство государства в экономику — это зло. И что вся организация и функционирование экономики должны быть отданы на откуп «невидимой руке» рынка.

Особую остроту проблеме взаимоотношения политики и экономики в нашей стране придает то обстоятельство, что институционализация свободы частной собственности и частного предпринимательства явилась не продуктом эволюционного развития и стихийного творчества «низов» — эта свобода «дарована» народу исключительно «верхами».

Той прагматичной частью советской номенклатуры, которая осознала, что «так дальше жить нельзя», и инициировала «перестройку» — курс, который (в условиях высвобождения объективных законов развития из-под спуда государственного подавления) привел в итоге не к демократизации социализма, а к отказу от него, и замене социализма капитализмом.

По этой причине (как прямой результат этой «революции верхов») происходящие в стране преобразования приобрели по преимуществу искусственный характер. Обуславливая доминанту в них того, что принято называть «государственной волей» (или государственным принуждением).

Важно учесть также, что мы имеем дело с легализацией института частной собственности и частного предпринимательства в обществе, в котором опыт, накопленный в развитии этого института до Октября 1917 г., практически полностью утерян и погребен под прессом большевистского эксперимента. Все то, что было связано с частнокапиталистическими формами организации общественной жизни, оказалось разрушенным до основания.

Но при этом оказались очень живучими (и более того, возведенными в абсолют) многовековые традиции командова-

ния экономической сферой, в основании которых лежит органически присущая «восточным деспотиям» неразделенность власти и собственности. Когда право первой (т. е. административной власти) всегда мыслится и реализуется как продолжение права второй (т. е. собственности).

Государственное регулирование как необходимое условие цивилизованного рынка

Общеизвестно, что в разных общественных системах (способах воспроизводства общественной жизни) проблемы взаимоотношения политики и экономики решаются по-разному. Что касается социализма, то это регулирование порождает особый тип экономики, которую в принятой в экономической науке типологии принято называть «командно-административной».

Такого рода экономика — ничто иное, как концентрированное выражение политики, в рамках которого экономическая необходимость приносится в жертву политической целесообразности. Экономические отношения утрачивают свою «аутентичность» (системную самость) и принимают характер одной из разновидностей организационно-управленческих, бюрократических. Исчезает экономическая мотивация хозяйственной деятельности, пре дается забвению экономический интерес как главная движущая сила хозяйственного развития.

В свое время Ф.Энгельс, говоря о воздействии государственной власти на экономическое развитие, подчеркивал: «Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда... у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях пре-

грады и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и в третьем случае политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом масштабе»¹.

Вся история административно-бюрократического командования экономикой в СССР и в других социалистических странах в полной мере подтвердила этот вывод. Всему цивилизованному миру более чем убедительно было доказано, что **любые попытки построить экономику на иной основе, чем конкурентная борьба за частную прибыль, рано или поздно терпят крах.**

Сказанное, однако, не означает, что в противоположность огосударствленной, рыночная экономика как система социального взаимодействия и общественного разделения труда, основанная на господстве частной собственности, полностью исключает вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Политика «экономического антиэтатизма», т.е. полного изгнания государства из экономики — не более чем социальная утопия.

Человеческое общество, чтобы быть устойчивым на любом уровне и в любое время, неизменно требует определенного количества ограничений, вводимых государством как верховным менеджером-управляющим общественными делами. Институтом, который при правильном использовании является основанием цивилизованного общества и кооперации, самым полезным инструментом для поддержания счастья и благополучия людей.

Видный представитель западной либеральной традиции австрийский экономист Людвиг фон Мизес пишет в этой связи: «В обществе всегда существует противоречие между индивидуальной свободой и не-

обходимостью ограничения этой свободы ради общего блага. Мы желаем поступать так, как нам хочется, но иногда реализация наших намерений наносит ущерб другим людям. Точно так же бизнесмены не очень жалуют государственный контроль над их деятельностью или законы, стесняющие свободу предпринимательства. И все же эти ограничения необходимы для защиты общества от пагубных последствий»².

Следует подчеркнуть (в качестве общего правила), что экономика и политика (и олицетворяющие их государство и бизнес) в современном западном мире взаимодействуют не по законам вульгарного экономического детерминизма, трактуемого политика не иначе, как «концентрированное выражение экономики». А по принципу системной взаимосвязи (системного синтеза), выступая здесь как две одновременно независимые, зависимые и взаимозависимые сферы общественного бытия — две формально автономные системы, которые «по факту» работают друг на друга и друг друга взаимно дополняют. И которые, хотя и тянут (каждая) «одеяло на себя», обречены на партнерство и «танцевное» взаимодействие во имя социального мира и стабильности.

Вообще же в реалиях политика и экономика настолько тесно переплелись, что различить их может порой только взгляд (абстракция, фантазия) теоретика. Все (или почти все) в общественной жизнедеятельности носит на себе «печать» как экономических отношений, так и политических. Все (или почти все) так или иначе обуславливается ими.

Если взять, к примеру, рыночный акт купли-продажи рабочей силы, то он является не только экономическим актом, но одновременно и политическим. Ибо поддержан системой права, регулирующей си-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 417.

² Людвиг фон Мизес. Индивид. Рынок и правовое государство/Пер. с итал. — М.: Издательство «Пневма», 1999. С. 131.

лой закона, в которых реализуется воля публичной власти. А, стало быть, подвержен влиянию не только государства, но и политических партий, профессиональных союзов, предпринимательских ассоциаций и объединений и т.д. Всех институциональных сил и структур, в той или иной мере причастных к организации и динамике наемно-трудовых отношений.

И если рыночный механизм в целом неплохо выполняет свою роль регулятора экономики, то только потому, что встроен в определенные политические и правовые рамки, устанавливающие правила и пределы конкуренции, общественно приемлемые (и одобряемые) формы и технологии экономической (предпринимательской) активности, способы и «методики» получения прибыли и пр.

С другой стороны, сам рынок отрезвляюще воздействует на политические институты, а также формализованные структуры гражданского общества, лимитируя (ограничивая) амбициозные программы и требования, подчиняя поведение членов общества и самого государства экономической целесообразности, необходимости «считать деньги», «жить по средствам» и т.д.

В этом свете очевидно, что проблема соотношения между политикой и экономикой — это не проблема выбора между двумя противоположностями: монополизмом (стихией) государства или монополизмом (стихией) рынка. Речь идет о поиске оптимальных форм взаимодействия того и другого, нахождении разумных пропорций (необходимого баланса) между государственным регулированием экономики и свободой частного предпринимательства.

При чем эти пропорции относятся к ряду категорий, которые нельзя «сфотографировать», т.е. очень подвижных и постоянно изменяющихся, и по этой причине их нельзя установить раз и навсегда. Если экономика процветает, то государство может позволить себе максимально «уйти» из

этой сферы. В условиях же кризиса — его вмешательство в хозяйственную жизнь не может не возрастать.

«Деловые» функции государства по отношению к экономике

Обязательное присутствие государства в рыночной экономике обуславливается целым рядом объективных факторов. И, прежде всего, тем, что политика в лице этого института носит не «частный» (избирательный), а всеобщий (публичный) характер, т.е. выступает как функция управления общественными делами, функция обеспечения приоритета общих целей перед частными, интересов системы в целом перед интересами отдельных ее частей.

Отсюда, со всей очевидностью, вытекает известное первенство политики перед экономикой. Ведь с помощью власти и имеющихся в ее распоряжении самых разнообразных средств воздействия (начиная от убеждения и кончая легитимным принуждением), политика создает социальные условия жизнедеятельности людей, заботится о целостности социальной системы, известной стабильности общества, нейтрализует деструктивные, дезорганизующие тенденции и т.д.

Словом, обеспечивает тот необходимый минимум урегулированности и порядка, без которого эффективная хозяйственная деятельность (равно как и цивилизованный бизнес) просто невозможны.

В условиях анархии и хаоса нет места созиданию и реформам. Хаос, по общему правилу, реформировать нельзя. «Государственное устройство, — говорил в своем выступлении в Государственной Думе в октябре 1994 г. А.И. Солженицын, — оно первой и важней экономики, потому, что это условие, чтобы вообще можно было жить».

Что это действительно так, весь цивилизованный мир мог воочию убедить-

ся на примере недавних событий в Ираке (шокирующей вакханалии мародерства в Багдаде после вхождения американских войск и падения режима Саддама Хусейна). На фоне этой вакханалии, спровоцированной исчезновением публичной власти и силовых структур, вряд ли кто (будучи в здравом уме и рассудке) станет отрицать, что даже плохое государство все же лучше, чем анархия. И «умное» человечество додумалось до этого института и наделило его особыми полномочиями (в том числе монопольным правом на использование силы) не для того, чтобы с его помощью превратить земную жизнь в рай. А исключительно только для того, чтобы она (эта земная жизнь) не превратилась окончательно в ад.

Уместно в этой связи привести и высказывание К.Маркса, который писал: «Урегулированность и порядок — самая суть, необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен обрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от простого случая и просто произвола»³.

В постоянном воспроизводстве этих двух исходных общественных условий нормального функционирования экономики (урегулированности и порядка) и заключается ключевая «деловая» функция политики по отношению к ней и к бизнесу. Принимая форму системы правовых гарантий предпринимательской деятельности, в которую обычно включаются: конституционно закрепленное право на свободу создания частных предприятий, приобретение имущества для их нормального функционирования и развития; юридическая и социальная защита интересов и прав предпринимателей, недопущение дискрими-

нации со стороны государства, управленческих органов, должностных лиц; равное право доступа всех субъектов предпринимательской деятельности на рынок — к материальным, финансовым, трудовым, информационным и природным ресурсам, а также к государственным и муниципальным подрядам и заказам; недопущение монопольного положения на рынке отдельных предприятий и недобросовестной конкуренции и т.д.

Свобода предпринимательства как свобода, упорядоченная рамками закона

В «Капитале» К.Маркса есть такие строки: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя под страхом виселицы»⁴.

Как показывает мировой опыт, это суждение К.Маркса отнюдь не является преувеличением. Хотя в стремлении предпринимателей (частных корпораций и фирм) получить максимальную прибыль, нет ничего предосудительного. И обвинять их в этом стремлении — все равно, что упрекать спортсмена в желании добиться рекорда, тем не менее прибыль прибыли рознь.

Одно дело прибыль как производство и распространение с выгодой для себя продукции и услуг, нужных людям. И совершенно другое, — продукции и услуг, которые хотя общественно и потребляемы, но вредны для нравственного и физического здоровья социума, обслуживающие «человеческие пороки» (порнография, алкоголь, наркотики и т.д.). Не говоря уже о та-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 356-367.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 770.

ких противоправных «технологиях» делания денег, как мошенничество и обман, производство и распространение контрафактной (фальсифицированной) продукции. Получения прибыли за счет недобросовестной конкуренции (тайных договорах о монопольных ценах, квотах на продажу товаров, спекулятивной накрутки цен и тарифов, искусственного создания товарно-го дефицита и пр.).

Для предотвращения такого рода явлений и «отрезвления» бизнеса как раз и требуется государственное регулирование предпринимательской деятельности, в рамках которого **свобода частного предпринимательства** предстает не как всеобъемлющая и абсолютная, а исключительно как **упорядоченная государством (т. е. законом) свобода**. В рамках этой свободы на действия предпринимателя, на каждый вводимый им ресурс и результирующий продукт накладываются довольно существенные правовые ограничения. С тем чтобы носители экономической власти не переступали ту черту, за которой частный интерес вступает в противоречие с интересом общественным. А естественное для бизнеса стремление получить максимальную прибыль не выливается в делание денег (жажду наживы) любой ценой.

Как бы там ни было, но освободить бизнес от контроля со стороны государства — значит, навязать государству волю бизнеса. Значит, превратить государство в некое подобие «комитета по управлению делами буржуазии». Марионетку (де-факто), которая будет просто фиксировать и легитимировать результаты закулисных сделок «кукловодов» — олигархических бизнес-групп и бизнес-кланов. (Как это, к примеру, имело место в России во второй половине 90-х гг. с появлением класса олигархов, многие из которых ногами открывали двери в кремлевские кабинеты).

Это (в более широком смысле) значит, отдавать людей на волю слепых сил рыночной стихии. Без каких бы то ни бы-

ло гарантий того, что их не обманут, не «кинут», не «экспроприируют» то, что было заработано в течение всей жизни (как это, к примеру, имело место в период интенсивного строительства в России первой половины 90-х годов финансовых пирамид типа печально известного АО «МММ»).

Необходимость обеспечения социальной справедливости и социально справедливого распределения доходов

Рынок, даже самый совершенный с точки зрения экономической демократии, изначально предполагает наличие в обществе определенных «несправедливостей». И понятие социальной справедливости относится к числу тех, которые не входят в состав его основополагающих базовых ценностей. Имея в качестве основания личную выгоду и частный интерес, рынок с неизбежностью углубляет объективно существующее социальное неравенство между людьми, и если его не регулировать (пустить на самотек), оно может принять пирамидальный характер, т. е. привести к взрывоопасной биполяризации общества с точки зрения распределения богатства и скудности. Когда на одном полюсе (у меньшинства) концентрируется сверхбогатство, на другом (у большинства) — бедность.

Для того чтобы не допустить этой биполяризации и обеспечить в обществе социальную стабильность государство через механизм прогрессивного налогообложения осуществляет целенаправленное перераспределение («редистрибуцию») доходов по направлению от богатых к бедным, гарантируя тем самым всем гражданам определенный уровень социальной защищенности, определенный уровень социальной безопасности. Памятуя о том, что, говоря словами древнекитайского философа Конфуция, «в стране, которой правят хорошо,

стыдятся бедности. В стране, которой правят плохо, стыдятся богатства».

Но дифференциация (разность) в доходах населения уменьшается не только за счет изъятия части доходов богатых граждан (обычно доходы беднейших групп налогом не облагаются). Но и за счет социальных субсидий — прямых и косвенных — из бюджета беднейшим слоям населения. В результате в большинстве западных стран коэффициент дифференциации снижается до соотношения 1 к 7.

При этом такого рода социально ориентированная «редистрибутивная» политика воспринимается массовым сознанием не как «грабеж среди белого дня», а как своего рода «налог на бизнес» в качестве цены за социальный мир и стабильность. Делясь с «ближними», предпринимательское сословие как бы предохраняет себя от накопления и взрывов массового недовольства среди низших социальных слоев и групп населения.

Резко диссонирует на этом фоне ситуация в сфере распределения доходов в России. Установившаяся в качестве основного результирующего социального продукта «рыночных» реформ вопиющая пропасть между богатыми и бедными не только не сокращается, а продолжает увеличиваться. Недавно обнародованные расчеты Росстата показывают, что состояние 10% самых богатых россиян в 15,5 раза больше 10% самых бедных (в 2005 г. эта разница составляла 14,9 раза, в 1998 — 13,8 раза).

И если еще в 2000 г. в публикуемых американским журналом *Forbes* списках миллиардеров не было ни одного россиянина, то в 2006 г. их в этом списке стало 53. А совокупное достояние этой «когорты» отечественных набобов достигло 282 млрд долларов, что вполне соизмеримо с годовым бюджетом России.

В то же время, занимая по числу долларовых миллиардеров, третье место в мире, наша страна, согласно рейтингу ООН,

построенному на таких показателях, как продолжительность жизни, уровень образования и объем ВВП, стоит лишь на 65 месте — расположившись между Ливией и Македонией. По данным за 2005 г., за чертой бедности в России живут 34 млн человек.

Государство как производитель социально-значимых товаров и услуг

Присутствие государства в рыночной экономике обуславливается также необходимостью производства социально значимых товаров и услуг, которые не могут быть созданы в рамках частного предпринимательства. Из-за элементарных причин: производство этих товаров и услуг либо не дает прибыли, либо велик риск не получить ее вообще (или получить, но в отдаленном будущем).

Речь идет об услугах, пользование которыми непосредственно не связано с оплатой со стороны потребителя. Это автомагистраль, библиотеки, музеи, полицейская и пожарная службы, общественные школы и медицинские учреждения и т.д. Все эти услуги необходимы обществу, без них не возможно его нормальное функционирование на любом срезе (экономическом, социальном, культурном и т.д.).

Кроме того, существуют так называемые естественные монополии государства, к которым относят те сферы экономической деятельности, где потребителю удобнее и выгоднее иметь одного производителя, чем несколько конкурентов (железнодорожное сообщение, телефонная сеть, городское водоснабжение, метро и др.).

В сферу особых государственных интересов обычно входят оборонные предприятия, объекты военно-стратегического назначения, отрасли и предприятия, требующие особого надзора и контроля. (На-

пример, производство и распространение наркосодержащих препаратов, развитие атомной энергетики, и др.) А также фундаментальная наука, особо сложные, передовые наукоемкие производства, хронически убыточные отрасли и т. д.

Защита прав потребителей и охрана окружающей среды

Одной из важнейших функций государства в условиях рынка выступает защита населения от вредных, побочных последствий предпринимательской и производственной деятельности. Эти последствия охватывают здоровье людей и условия их жизни, экологию, национальную безопасность и т. д. Что бы их избежать, предупредить или уменьшить государство использует разные меры. В том числе контроль качества (стандартизацию) продукции, регулирование и стандартизацию условий найма, законодательное установление (привязанного к потребительской корзине) гарантированного минимума заработной платы, охрану окружающей среды и др.

Если же государство в этой сфере проявляет «слабость» и отдает ее на откуп рыночной стихии (никак не регулируемого им действию механизма спроса и предложения), то это создает целый ряд острых социальных проблем. На потребительском рынке (особенно в странах с низкой покупательной способностью населения и ориентацией массового потребителя не столько на качество товара, сколько на его цену), начинает править бал низкопробный (а то и вообще лишенный реальных потребительских свойств) контрафакт.

Как это и имеет место в современной России: по оценкам независимых экспертов, до 70% всех товаров, которые «крутятся» на отечественных рынках, именно из этой контрафактной серии. Причем подделывают буквально все, в том числе и медицинские препараты. По самым скромным подсче-

там, оборот поддельных лекарств сопоставим с оборотом наркотиков и «тянет» почти на 300 млн долларов в год. По этой причине в стране осуществляется своеобразный геноцид по отношению к потребителю — его массового «травят» и калечат. (Достаточно сказать, что только в 2005 г. в России от отравления фальсифицированными спиртными напитками и спиртосодержащей продукцией погибло 39,5 тыс. человек.)

Свою «лепту» в этот своеобразный «геноцид» вносит и такой вполне процветающий в России бизнес, как широкая продажа продуктов с просроченными сроками годности. Так, проводимые Мосгоринспекцией и Госсанэпидемслужбой регулярные закупки в столичных магазинах и фирмах, занимающихся закупкой и утилизацией продуктов, неизменно обнаруживают просроченные партии. Осенью 2004 г. сотрудники УБЭП Москвы накрыли фирму-поставщика, на территории которой хранились просроченные товары (соки, консервы, детское питание) на сумму в несколько миллионов долларов. Привезенные на утилизацию из «Перекрестка», «Пятерочки» и других сетевых магазинов продукты, как птица Феникс, возрождались к жизни с помощью стирания сроков годности ацетоном и замены аннотаций на русском языке, и затем вновь возвращались в торговую сеть. Отсюда массовые пищевые отравления, принимающие нередко форму эпидемий. По свидетельству руководителя Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Г.Онищенко, только в 2004 г. в России было зарегистрировано 39 вспышек острых кишечных инфекций, вызванных потреблением некачественной пищи. Причем в большинстве случаев пострадавшими оказались дети.

Сугубо отрицательно сказывается на массовом потребителе в России и «самоустранение» государства из сферы ценообразования. Не секрет, что, скажем, цены на лекарственные препараты в российских аптеках растут, что называется, «не

по дням, а по часам». И этот рост является не только результатом постоянного роста издержек (денежных затрат) как в сфере производства, так и в сфере обращения, связанных с ростом цен на энергоресурсы, транспортные услуги, аренду и т. д. И не только следствием того, что на пути к потребителю лекарственная продукция проходит через руки не одного, а целого ряда посредников-«паразитов», каждый из которых «наваривает» свой «нехилый» процент.

Если не в решающей, то в значительной степени, этот рост обусловлен преимущественной ориентацией наших «предпринимателей-провизоров» на получение максимальных прибылей не за счет наращивание оборота и увеличения клиентной массы. А исключительно за счет ценовых накруток. И по этой причине является сугубо спекулятивным ростом. Иначе чем можно объяснить то, что разница в ценах («ценовой разницей») на одни и те же лекарства (и одних и тех же производителей) в разных аптеках достигает 50 % и более.

Государство как «реаниматор» рынка в условиях циклического кризиса

В силу несовершенства рыночного механизма с точки зрения самоорганизации и саморегулирования, развитие рыночной экономики носит циклический характер, т. е. сопровождается нарушениями экономической стабильности (экономическими кризисами). И как показал еще Дж. Кейнс, без вмешательства (помощи) государства эта экономика не в состоянии самостоятельно справиться с ними. В этих кризисных условиях государство выступает в качестве одного из главных «реаниматоров» деловой активности. Целенаправленно используя фискальную (бюджетную) и монетарную политику, оно способно активно воздействовать на экономические циклы: стимулировать подъем и рост производ-

ства, уменьшить безработицу, замедлить (пригасить) инфляцию и т. д.

В качестве классического примера эффективности «реаниматорских» усилий государства в периоды экономических кризисов можно привести действия администрации президента США Ф. Рузвельта в 30-е гг. прошлого века. Для того чтобы «вылечить» страну от «Великой депрессии», она, как известно, решительно взяла курс на резкое усиление государственного вмешательства в экономику, несмотря на то, что этот «новый курс» не соответствовал представлениям о выходе из кризиса большей части представителей экономически господствующего класса.

Задачи политико-правового обеспечения предпринимательской деятельности

Из всего вышесказанного вытекает только один вывод, а именно: без государственного регулирования рыночная экономика — это не экономика. При этом следует особо подчеркнуть, что в условиях рынка государство выступает не только как верховный (макросистемный) менеджер-управляющий общественными делами. И не только как обусловленный этим статусом «монопольный» производитель и «блюститель» узаконенных правил игры в бизнесе. Одновременно это и ответственный социальный партнер предпринимателя, берущий на себя вполне определенные обязательства, которые делают это партнерство взаимовыгодным.

«Для промышленности, — говорил на 100-летнем юбилее российской мануфактуры крупнейший дореволюционный предприниматель А. И. Коновалов, — как воздух необходим плавный, покойный ход политической жизни, обеспечение имущественных и личных интересов от произвольного их нарушения, нужны твердое право, за-

конность, широкое просвещение»⁵. Именно это охраняемое частную собственность и свободу частного предпринимательства «твердое право» и «законность» (а, стало быть, и нормальную политико-правовую среду для эффективной предпринимательской деятельности) гарантирует бизнесу государство на Западе.

Чего нельзя сказать о нынешней России, где, говоря словами В.Белинского, произнесенными им более 150 лет назад, по-прежнему нет, не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже «полицейского порядка». И любой человек, который владеет у нас какой-то собственностью, бизнесом или контрольным пакетом предприятия, счетом в банке и т.д. не может быть на сто процентов уверен, что в один прекрасный момент у него эту собственность не отберут.

За годы реформ в стране появилась масса «специалистов», которые изобрели самые разнообразные способы изъятия чужого имущества. Достаточно сказать, что сегодня у нас без особых проблем можно обанкротить любое, даже прибыльное и не обремененное никакими долгами предприятие.

Поэтому не случайно, что даже крупный капитал в России примерно раз в три года меняет своего хозяина, переходит в другие руки. Такого рода «переприватизация» (передел собственности) происходит или с «помощью» киллера. Или при «содействии» ОМОНа (силовых технологий, получивших название «масок-шоу» и рейдерских захватов). Или под «руководством» ангажированного арбитражного судьи — в рамках практики отправления правосудия в России не по кодифицированным законам, а по «прейскуранту». Когда наряду с «теневой экономикой» в стране во всю правит бал и «теневая юстиция».

Что же касается мелкого капитала (т. е. малого бизнеса), то его вообще держат в «ежовых рукавицах» и неприкрыто грабят не только (и даже не столько) преступные группировки, сколько «борющиеся» с ними местные правоохранительные органы, прожорливая масса низовой бюрократии. По последним данным, ежегодные расходы мелких предпринимателей на «кормление» этой массы (т. е. выплату в качестве необходимого условия выживания «налога-взятки» — иначе пустят по миру) достигают астрономической цифры в 23 млрд долларов.

В этой связи представляется вполне очевидным, что, для того чтобы кардинальным образом изменить эту ситуацию и дать предприимчивым людям возможность свободно проявлять свои таланты и реализовывать себя в любимом деле, для этого есть только один путь: реально «деприватизировать» («национализировать») государство. То есть изъять его из рук многочисленной бюрократии в качестве «вещи для себя» и превратить в «вещь для всех». В институт, который пользовался бы доверием и поддержкой со стороны социума и не имел бы никаких других забот, кроме как заботы об обеспечении нормальной (гарантированной всем и каждому) среды обитания.

Если мы в России желаем действительно демократической и социально ответственной власти, то мы должны приучить наших «правителей» (больших и малых) воспринимать себя не в качестве ниспосланных Богом «пастырей паствы», т. е. народа, а только и исключительно в роли его «вышколенных слуг». Профессионалов, которые нанимаются (и содержатся) народом для ведения общих дел, уполномочиваются им управлять страной по правовому (т. е. справедливому) закону во имя не частного и не корпоративного, а всеобщего блага. И которые отстраняется (изгоняются) народом в случае, если не соблюдают (или непрофессионально выполняют) принятые на себя по социальному контр-

⁵ Цит. по: Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. — М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 140.

акту обязательства. Если вместо того, чтобы заботиться о продвижении общих интересов, действуют только и исключительно в угоду своим личным амбициям и планам.

И то, что на этом пути необходимо сделать в первую очередь, так это как можно дальше отдалить от собственности (а, стало быть, и от бизнеса) чиновничество (а заодно и выборных «слуг народа»). Лишить их возможности заниматься «бизнесом на бизнесе», т.е. баснословно обогащаться за счет паразитирования на гипертрофически раздутом праве «легитимации» и контроля предпринимательской деятельности. Теневого (кулуарного) распределения материально-технических, информационных, природно-сырьевых и иных ресурсов. Торговле («из-под прилавка») государственными подрядами и заказами, квотами на добычу и экспорт морепродуктов, древесины, нефти и т.д.

Архиважно также, чтобы заработал закрепленный в Конституции РФ и в специальных нормативно-правовых актах запрет на совмещение государственной службы и депутатского мандата с коммерческой и предпринимательской деятельностью. Что бы наделенный властью чиновник или парламентарий соответствовал своему профессиональному статусу («слуги народа») не только номинально (формально юридически), но и реально (фактически). И вместо того, чтобы (как это имеет место сегодня) «крышевать» и «продвигать» собственный бизнес или лоббировать интересы тех, кто «протолкнул» его власть, был всецело поглощен «обслуживанием» бизнеса других. То есть обеспечением

нормальных политико-правовых условий для массового развития частной инициативы и предприимчивости, работы людей на себя, а не на бюрократию.

Только на этой основе реального разделения власти и собственности. И превращения первой в институт, который порождает не собственность, а только гарантирует неотчуждаемое право на нее и защищает это право от любого произвольного нарушения (в том числе своеволия чиновников и правоохранительных органов). Мы создадим в России столь необходимую для высвобождения творческого потенциала нашего народа и заложенной в нем огромной работоспособности, естественную среду, общественную систему, в которой жизненное благополучие каждого будет зависеть не от «доброты» и «милостей» властей, а исключительно от него самого, от его делового (и трудового) усердия, желания состояться, сделать карьеру и т.д.

Только тогда в стране воцарится свобода, в условиях которой талантливый не будет жить так же, как бесталанный. Честлюбивый — как тот, кто довольствуется малым. Здесь у каждого будет свой выбор, свой «потолок» в целях и смысле жизни. И задача власти будет состоять в том, чтобы не мешать людям в этом выборе и следить лишь за тем, чтобы в этих своих жизненных устремлениях они не переступали закон, не попирали нормы общественной морали. Могли легко поступать правильно. И трудно совершать дурное.

Статья поступила в редакцию 17.04.2007

Professor O. Mushtuk, Head of the MIFP Political Science Chair

MARKET ECONOMY AND POLITICS: THE RUSSIAN CONTEXT

In real life, politics and economics are so inextricably intertwined that only a scholar can make a division between the two. Everything (or almost everything) that is happening in the social life "bears a stamp" of economic relations and political relations. Everything (or almost everything) that is happening is somehow based upon the economic and political relations.